

Terra incognita.
Хроника жизни научного сообщества
тихоокеанской России

Очерк третий.
Дом во тьме*

Обзор научного пространства тихоокеанской России не сможет претендовать на полноту без того, чтобы не уделить пристальное внимание его полноправным субъектам, представляющим в своём лице отечественную академическую науку. Начать знакомство с субъектами регионоведческого сектора академического научного пространства юга российского Дальнего Востока представляется правомерным с обстоятельного разговора о деятельности Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук.

Начала «институтского» периода в развитии академической исторической науки на Дальнем Востоке было положено 26 ноября 1970 г., когда Президиум АН СССР принял решение об организации во Владивостоке Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Менее чем через год, в июне 1971 г., на базе существовавшего с 1954 г. в Дальневосточном филиале СО АН СССР небольшого Отдела истории и археологии был создан Институт. Всю последующую историю Института можно с уверенностью разделить на две эпохи, получивших свои названия от фамилий директоров, возглавлявших его в разное время.

«Эпоха Крушанова» - время становления Института как признанного центра исторической науки на Дальнем Востоке. Этот период истории Института неразрывно связан с именем доктора исторических наук, академика А.И. Крушанова. «Именно его усилиями Институт истории за небольшой период времени стал признанным в стране центром дальневосточной исторической науки. А.И. Крушанов дал путевку в «большую науку» многим ученым и педагогам, которые сегодня определяют лицо исторической науки региона. Они работают не только в Институте исто-

* Метафора, использованная в названии очерка, заимствована из исторического очерка З. Винтера «Магистр Кампанус», в котором два студента Пражского университета начала XVII в. подобным образом характеризуют положение дел в их родной Alma mater, сложившееся в условиях лихолетия и череды неудачных реформ.

рии, но практически в каждом вузе Дальнего Востока»¹. Собственно именно отсюда берут свое начало двойственные отношения между представителями вузовской и академической исторической науки, которые приобретали наиболее противоречивый характер между соответствующими административными олигархиями. Так как вокруг исторической науки на юге Приморья сложилось устойчивое сообщество людей, профессионально занимающихся исследовательской деятельностью, то именно на его основе формировались позднее все иные сообщества специалистов по целому комплексу обществоведческих и гуманитарных наук, познавательные интенции которых носили ярко выраженный регионоведческий характер.

В рассматриваемую эпоху сформировалась организационная структура академической исторической науки, отразившая ключевые направления исследовательской деятельности её адептов. Среди таковых следует назвать историю КПСС, региональный аспект истории СССР, археологию, этнографию и востоковедение. Сверхзадачей, поставленной перед научным коллективом Института в то время, выступало «присвоение прошлого» советского Дальнего Востока, которое должно было исследоваться как неотъемлемая часть истории СССР. Решение этой и ряда смежных задач мыслилось и, что самое главное, претворялось в жизнь согласно господствовавшим в общественном сознании идеологем. В то время Институт выступал мощным форпостом советской исторической науки и цитаделью идеологической борьбы, которая велась как на «внутреннем», так и на «внешнем» фронтах.

В «эпоху Крушанова» были заложены традиции Института, по сей день составляющие идеологический стержень жизнедеятельности его коллектива и фундамент того, что можно назвать корпоративной культурой Института. Так же был сформирован «круг ревнителей» этих традиций, многие из членов которого в настоящее время определяют облик дальневосточной исторической науки. Отношение к «наследию эпохи Крушанова» является центральной проблемой, своего рода навязчивой загадкой-ребусом, не имеющей однозначного и окончательного решения и преследующей руководство Института на протяжении всей последующей его истории.

К рассматриваемому периоду истории Института относится запуск двух крупных научных проектов, определивших содержание и направление осуществляемых в нём исследований. Речь идёт об «Истории Дальнего Востока СССР (России)» и «Истории северо-восточного Китая». Не будет преувеличением характеризовать данные научные начинания модным в наше время словом «мегапроект». В названных научно-исследовательских мегапроектах Института истории, как в зеркале, отразилась картина состояния исторической науки на российском Дальнем Востоке. Видимо, в основу управления обоими мегапроектами были поло-

¹ Об Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: <http://www.ihaeife.org/new.htm> [Дата обращения: 10 ноября 2007 г.].

жены принципы «не умеешь работать хорошо, работай долго» и «перехода количества в качество». Конечным результатом мега-проектов явились многотомные коллективные монографии, каждый очередной том которых принципиально и безоговорочно устаревал к моменту своего выхода в свет. В среде профессиональных историков на этот счёт бытует мнение о том, что «Историю Дальнего Востока России» уже следует переписывать и публиковать заново, не дожидаясь издания последних томов её первой редакции.

Обрушившееся на Россию в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. «время перемен» ознаменовалось в истории Института сменой руководства и началом её современного этапа. «С 1991 г. Институт возглавляет д.и.н., проф. В.Л. Ларин. Первые годы его руководства совпали со сложным периодом радикальных реформ в стране, повлекших за собой коренные изменения парадигмы общественно-политического и социально-экономического развития, что потребовало выдвижения новых научных идей, новых методологических подходов, переосмысления устоявшихся концепций, сохранения кадрового потенциала, концентрации его усилий на реализации приоритетных научных направлений исследований. Эти задачи были выполнены с минимальными потерями, что подтверждено положительными выводами комиссии по комплексной проверке Института в сентябре 2003 г.»¹.

И действительно, перед «великим кормчим, «знаменосцем» исторической науки на Дальнем Востоке» – доктором исторических наук, профессором В.Л. Лариным время поставило весьма непростые задачи: провести Институт через «смуту», не стать марionеткой в руках «ревнителей традиций» и не заслужить в глазах бывающего порой весьма безжалостным общественного мнения репутацию «презренного эпигона». Нет оснований сомневаться в компетентности и добросовестности комиссии, проводившей комплексную проверку Института и сделавшей по её результатам положительные выводы. Безусловно, первый этап «эпохи Ларина» (1991 – 2003 гг.) может характеризоваться едва ли не как «период относительного благоденствия». Это время также справедливо назвать периодом «зависания» или «консервации», когда общий вектор развития Института определялся импульсом, полученным ранее, а идеология неотвратимо грядущих перемен находилась в стадии предварительной разработки.

Однако за фасадом внешнего благополучия скрывались проблемы. Во-первых, «храм науки» оказался катастрофически и безнадежно перенаселён. В этой ситуации помещения Института не могли предоставить «учёной братии» приемлемые условия для плодотворной научной работы. Выходом из ситуации явилось внедрение практики «присутственных дней» – вторника и пятницы, соблюдение которых стало ритуальным актом и проявлением лояльности к курсу администрации НИИ. Успеху этого нововведения способствовало и другое обстоятельство, образующее вторую скрытую проблему Института.

¹ Там же.

Во-вторых, размер заработной платы научных сотрудников и других категорий работников Института форсированными темпами достиг черты бедности, что потребовало поиска иных источников доходов. Оставляя в стороне имевший место массовый «исход» учёных в «мир дикой коммерции» 1990-х гг., необходимо отметить практику получения научными сотрудниками дополнительного (основного) дохода за счёт преподавания в высшей школе. Совмещение вузовского преподавания и академических исследований, помимо открывавшегося доступа к ресурсам карьерного роста в высшей школе (за счет использования своего статуса академического научного сотрудника), формировало особое отношение к внутриинститутским обязанностям, как к членству в своего рода клубе по интересам, обеспечивающему тыл и возможность получения, хоть и в малых объёмах, денежных средств в летний период и в начале осени – «голодное время» для вузовских работников.

В-третьих, появление возможностей выезжать с научными целями за границу изменило характер институтского востоковедения: из схоластического оно стало «туристическим». Реальные возможности совершать длительный «научный пилигримаж» способствовали «виртуализации» некоторых востоковедческих подразделений Института. Подобная судьба, например, постигла сектор японоведения. На долгое время осели в стране изучения и доморощенные американисты (хотя это направление в Институте всегда было маргинальным).

В-четвёртых, оскудение государственных ассигнований на научные исследования поставило перед учёным людом Института необходимость привлечения финансирования из иных источников. На помощь «хронически секвестрированной» академической науке пришёл грантовый механизм финансирования. Однако грантодатели предпочитали выделять средства «под реальные результаты». В связи с этим наиболее обильные вливания из грантовых источников получали, в первую очередь, представители археологической науки. Особая «предрасположенность» финансовых благодетелей именно к археологической науке весьма объяснима, так как берёт свое начало в стереотипах общественного сознания ещё советского времени, когда институализированное историческое знание ассоциировалось именно с археологией (в данном случае не лишним будет вспомнить одну из коллизий сюжета художественного фильма «Доживём до понедельника», в которой персонаж фильма историк Нестор Петрович показывает свою несостоятельность на вступительном экзамене в аспирантуру именно на археологическом материале).

В-пятых, имевшее место явление «монополизации» изучения ряда исторических периодов исключительно археологическими методами породило комплекс проблем, связанных с качеством осуществлённых реконструкций прошлого и возможностью их интеграции в широкой контекст региональной истории. История юга Дальнего Востока России, начиная с периода бронзового века и заканчивая ранним Новым временем, сравнительно плотно изучена в археологическом плане, что позволило реализовать ре-

конструкцию прошлого, которая, однако, страдает неполнотой и односторонностью, и плохо интегрируется в панорамную картину прошлого Северо-восточной Азии. Причина тому видится в недоиспользовании информации, содержащейся в доступных письменных источниках, и гиперкритическом отношении к результатам исследований зарубежных учёных (китайских, корейских и японских).

Однако первый период «эпохи Ларина» был богат не только проблемами. Имели место и заметные достижения. Среди неоспоримых успехов Института этого времени особое место занимает выходящий в свет с октября 1992 года научный журнал «Россия и АТР». На страницах этого научного издания освещаются гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Приоритетное место среди них занимают материалы по вопросам истории, археологии, этнографии. Публикуются также статьи, отражающие проблемы философии, социологии, международных отношений и культуры. Тематический диапазон журнала в значительной степени направлен в сторону государств АТР, что обусловлено известной необходимостью активной интеграции России, ее дальневосточных районов со странами региона. Публикации журнала всесторонне и под различными, порой диаметрально противоположными углами зрения, но всегда компетентно отражают процессы исторического прошлого и настоящего России.

«Россия и АТР» - единственное такого рода издание, выходящее на просторах Сибири и Дальнего Востока России. Журнал в рассматриваемый период фактически стал базовым периодическим научным изданием для апробации результатов исследований аспирантов, докторантов и молодых ученых всего российского Дальнего Востока, готовящих диссертации по специальностям «Всеобщая история», «Отечественная история», «Археология», «Этнография и антропология»¹.

Журнал в 1996 г. был зарегистрирован в Париже в Международном центре регистрации научных изданий ISO-ISSN и имеет постоянный присвоенный ему международный номер. Журнал также имеет свидетельство о регистрации в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. В 2000 г. журнал был отмечен грантом Российского гуманитарного научного фонда. Объем издания – 10 усл. печатных листов, тираж – 300 экземпляров, периодичность – 4 номера в год².

Во второй половине 90-х гг. XX в. и на рубеже XX – XXI вв. в Институте истории ДВО РАН регулярно проводились научные форумы различного уровня, масштаба и проблемной ориентации, в том числе молодёжные. Активность Института в плане организации научных коммуникаций способствовала приобретению им статуса эффективной площадки для репрезентации и публичного

¹ «Россия и АТР» - научный журнал Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: <http://www.ihaeife.org/new.htm> [Дата обращения: 10 ноября 2007 г.].

² Там же.

обсуждения результатов исследований и превратила его в мощный центр тяготения научного сообщества Дальнего Востока России.

Помимо того, что Институт стал ведущим центром научной коммуникации, а, скорее всего, благодаря этому, ему удалось стать ведущим субъектом подготовки научных кадров высшей квалификации. Аспирантура Института осуществляла программы послевузовского профессионального образования по четырём историческим специальностям и одной философской. Подготовка научных кадров высшей квалификации в Институте приобрела характер полного цикла, так как в нём успешно действовал (и действует в настоящее время) единственный на Дальнем Востоке диссертационный совет по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора исторических наук по четырём основным специальностям: «археология», «отечественная история», «всеобщая история (новое и новейшее время)», «этнография» и «антропология».

Современный период в истории Института, второй этап «эпохи Ларина», берёт свое начало в 2004 году и продолжается по настоящее время. Без преувеличения его можно назвать «временем перемен». К началу этого периода у руководства Института сформировалось перспективное видение будущего НИИ, которое было дополнено системой мер по его претворению в жизнь. Следует отметить, что наступление в Институте «времени перемен» хронологически совпало с обнародованием очередных инициатив государственных властей по реформированию Российской академии наук. Наложение этих действий позволило некоторым руководителям академической исторической науки замаскировать двигающие ими индивидуальные мотивы.

Многие события и явления данного периода в развитии Института истории ДВО РАН носят противоречивый характер и не могут быть оценены как однозначно положительные или отрицательные. Столкновение воле, личных амбиций и индивидуальных жизненных стратегий создают подчас весьма драматические коллизии. Безусловно, любой эффективный руководитель должен принимать решения, пусть даже и крайне непопулярные, в интересах дела, но могут ли сломанные человеческие судьбы быть той «приемлемой» ценой вопроса, тем «неизбежным злом», с которым ему приходится мириться исходя из соображений высшей целесообразности?

Высокой оценкой издательской и научно-организационной деятельности Института явилось решение президиума Высшей аттестационной комиссии, утвердившее в феврале 2004 г. «Дополнения к перечню ведущих научных журналов и изданий», опубликованному в «Бюллетене ВАК» № 2 за 2003 г. Согласно этому дополнению, в число журналов, публикации в которых учитываются при защите диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, вошел и журнал «Россия и АТР». Однако радость от обладания «собственным» ВАКовским изданием была недолгой, ибо грянувшая реформа ВАКа и последовавший за ней пересмотр «Перечня...» оставили «Россию и

АТР» за бортом, о чём красноречиво свидетельствует редакция «Перечня...» от октября – декабря 2006 г.

Надо признать, что исключение журнала «Россия и АТР» из «Перечня...» ВАК нанесло ощутимый удар по научному сообществу юга Дальнего Востока России, создав серьезные препятствия для опубликования результатов диссертационных исследований и поставив под угрозу механизм воспроизводства его высших квалификационных страт. Уже в июльской 2007 г. редакции «Перечня...» журнал «Россия и АТР» был восстановлен, но как рекомендованный экспертным советом ВАК для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по политологии. Половинчатое решение вопроса в полной мере устроило именно руководство Института, так как лежало в фарватере его личных стратегий.

Следует отметить, что за описанной внешней канвой событий скрывается их глубинная причина. Не является секретом, что научная деятельность как профессиональная сфера отличается известной клановостью. Именно застарелый конфликт руководителя Института с одним из могущественных научных кланов является истинной причиной многих событий и явлений в новейшей истории Института. Данный конфликт наложил известные ограничения на карьерный рост названного руководителя академической науки. Не имея возможности стать член-корреспондентом Российской академии наук по отделению истории, сей учёный муж решил радикально сменить научную специализацию, выступив в качестве международного.

Именно этими мотивами продиктована реструктуризация Института и попытки оптимизации численности его сотрудников. Надо признать, что упомянутый руководитель академической науки подвёл под смену собственной идентичности и реформирование Института подобающую, как ему представлялось, теоретическую базу. Дабы сделать Институт более «международническим», ему необходимо было придать выраженный обществоведческий характер, а для этого – снизить массовую долю «неудобных» представителей исторического цеха – археологов.

По всей вероятности, начинания подобного рода увенчались бы успехом и прошли без особого общественного резонанса, но начавшийся в Институте выборный процесс обнажил скопившиеся противоречия. Шумиха, поднятая по этому поводу в прессе¹, лишь со всей наглядностью продемонстрировала создавшуюся в настоящее время в Институте патовую ситуацию, когда деструктивные потенциалы нынешнего руководства и его оппонентов представляются равновеликими.

Пока же остаётся выражать сдержанный оптимизм по поводу того, что, возможно, следующему поколению академических учёных окажется под силу вывести Институт из сумеречной зоны.

¹ История разрушения одного института и реформа науки // Владивосток. – 28 сентября 2007 года. - № 142 (3924). – С. 6.; Удел учёного - говорить правду // Владивосток. – 28 сентября 2007 года. - № 142 (3924). – С. 7.; Нужна «третья» фигура // Владивосток. – 28 сентября 2007 года. - № 142 (3924). – С. 7.

Благо, молодёжь в Институте всё же есть. Имеется у молодой научной поросли и собственная организация и заметные свершения. Остаётся надеяться, что им всё же удастся сделать так, чтобы Институт был интеллектуальным маяком науки, а не «домом во тьме».

